

тер, — руководство СФК внесло предложение о переходе СФК под юрисдикцию России. При этом предполагалось, что новая организация — Союз или Содружество фондов культуры в полной мере сохранит сложившиеся связи с Фондами культуры — суверенных республик (государств), зарубежными благотворительными организациями и соотечественниками, видными деятелями культуры и творческой молодежью, сформировавшими актив Советского фонда культуры за эти годы.

Казалось целесообразным в процессе реорганизации объединить силы и средства Советского фонда культуры и Всероссийского фонда культуры для улучшения работы в новых условиях. Однако Президиум правления Всероссийского фонда культуры это предложение не поддержал, хотя большинство республиканских, областных и краевых фондов культуры России, а также Московский и Санкт-Петербургский фонды отнеслись к идее с пониманием и одобрением. <...>¹

Стенограмма рабочего заседания президиума Совета Российского международного фонда культуры 9 апреля 1992 г.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: К заседанию президиума мы сегодня не готовы, поэтому сейчас будет только рабочее заседание, на котором мы обменяемся лишь предварительными сведениями, а на заседание президиума мы должны будем выйти с уже готовыми предложениями. Повестка дня соблюдаться не

¹ По решению конференции в ноябре 1991 г. правопреемником Советского фонда культуры стал Российский международный фонд культуры. Новый устав Фонда был зарегистрирован Министерством юстиции России 21 января 1992 г.

Позже, в связи с решением правительства о порядке использования наименования «Российский», из устава Фонда и его названия было исключено слово «международный» (по новым правилам, организация могла называться либо международной, либо российской), и Фонд был зарегистрирован как Российский фонд культуры. Это название он носит до сих пор.

будет. Мы сделаем так, что оба председателя комиссий — Сергей Николаевич <Плотников>¹, а затем Владимир Петрович <Нерознак>² — сделают свои доклады, после них сделают свои сообщения те, кто понадобится по ходу их докладов. Затем обсудим предложения, у меня есть свои предложения...

Должен сказать — у меня есть сведения, что ходят слухи, будто Фонд разваливается, будто Лихачев уходит. У меня есть нравственные обязательства, и пока Фонд не будет поставлен на ноги и не начнет правильно работать, я из него не уйду, и только после этого можно будет посчитаться с моим возрастом и с тем, что я живу в другом городе. Подчеркиваю, что только когда Фонд будет работать нормально, когда у нас будет соответствующее руководство и соответствующая организация, только тогда может стоять вопрос о моем уходе.

Должен сказать, что у нас работают две комиссии по разным вопросам: комиссия Сергея Николаевича должна проанализировать работу сегодняшнюю, комиссия Владимира Петровича должна выработать проект организации на основе доклада Сергея Николаевича. Почему? Потому что страна находится в новых условиях, в стране вводится контрактная система, хотя безоглядно ее вводить нельзя. Нужно будет выяснить, в чем эта система будет заключаться. Может, для части сотрудников мы ее введем, а для другой части — не будем (смешно вводить контрактную систему для охраны, бухгалтерии и т.д.). Может быть выборная система, но это покажет время, и мы не должны с этим спешить, чтобы не наделать на первых порах ошибок.

Должен сказать прежде всего следующее — это главная моя установка — мы не должны быть самообслуживающей организацией, которая заботится только о том, чтобы получать доходы на удовлетворение собственных нужд, мы —

¹ Член правления Фонда в 1991—1992 гг.

² В то время — заместитель академика-секретаря отделения литературы и языка Академии наук, член президиума Фонда, первый заместитель председателя Фонда в 1992—1993 г.

система фондов, основная цель которой — помочь нашей стране в решении культурных проблем, которых сейчас очень много. Кстати, должен обратить ваше внимание на то, что на VI Съезде народных депутатов пока никто не говорил о культуре (может, еще будет говорить министр культуры). Министерство культуры не разрешает всех культурных проблем, все это налагает на нас особые обязательства.

Но, с другой стороны, у нас очень много культурных программ, которые мы со своими слабыми средствами не сможем обслуживать все. Поэтому культурные программы должны быть сокращены, оставлены лишь самые важные. И вообще, наши расходы должны быть сокращены: и транспортные расходы, и поездки за рубеж (об этом я постоянно говорю). Мы должны работать более экономно и более эффективно.

Раньше Фонду в создании его «лица» очень помогала Раиса Максимовна Горбачева, собственно, наш Фонд считался Фондом Раисы Максимовны, и это нам помогало. Сейчас «лицо» Фонда нужно создавать самим. Как это сделать, я скажу после докладов. Это не так трудно. У меня будут предложения и по структуре Фонда, хотя работа по анализу не закончена, и с моими предложениями я попрошу считаться. Это я говорю в виде предварительных замечаний относительно того, чем мы сегодня должны заниматься и что мы должны сегодня решить, по возможности не затягивая. Затем, я очень прошу, чтобы всё, сказанное здесь, было зафиксировано в стенограмме (I <первый> экземпляр — мне на подпись). Это должен быть в какой-то мере документ нашего обсуждения. Сейчас мы говорим по душам, а на заседании президиума мы должны будем выступать с какими-то точками зрения, более определенными. Сейчас идет предварительный разговор, и мы можем менять свое мнение в зависимости от выдвинутой аргументации. На заседании президиума мы будем более ограничены в этом смысле.

Сейчас я предоставляю слово Сергею Николаевичу Плотникову, он расскажет, как работала его комиссия и что ей удалось выяснить.

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Я хотел бы дать некоторую информацию о ходе работы аналитической комиссии, как ее назвал Дмитрий Сергеевич... 25 апреля она должна завершить работу, т.е. время у нас еще есть. И сейчас я хочу представить некоторый промежуточный отчет, и то только по одному вопросу <следует доклад о финансовом положении Фонда>... Вот тот финансовый аспект, который я хотел осветить. Все другие аспекты, которые я назвал, касающиеся программ, организационных и юридических проблем, будут представлены в письменном виде и обсуждены на заседании президиума.

Спасибо за внимание!

ВОПРОСЫ

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Главное, о чем я Вас просил, — выяснить наши отношения с журналом «Наше наследие» (о котором я ничего не знаю уже полгода, не имею о нем никаких сообщений, со мной не совещаются) и с <пропуск в тексте> отделом <издательским центром>¹.

Что это такое? <...>

Мне нужна структура современного Фонда в самых основных чертах. А финансовые дела, даже в современном аспекте, — это второстепенное дело.

Почему издательский отдел работает без согласования с нами, хотя это — лицо Фонда? Правда или нет, что в той предварительной записке, которая мне была подана, предполагается издание «Анжелики» и других подобных вещей, которые могут нас только позорить? Мне нужна эта информация. Что такое Фонд? Что в него входит? И самое главное, что я просил Вас выяснить, — какое количество организаций к нам приписаны, на каких основаниях и т.д.

Вот это я от Вас ждал.

¹ Здесь и далее Д.С. Лихачев называет «издательским отделом» созданный при Фонде Информационно-издательский центр (далее — ИИЦ) «Наше наследие» (директор — В.Т. Козлов). ИИЦ носил имя журнала Фонда «Наше наследие», но в действительности работал независимо от редакции журнала. Взаимоотношения Фонда с журналом «Наше наследие» (главный редактор — В.П. Енишерлов) также обсуждались на этом заседании.

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Все эти пункты, о которых Вы говорите, стали предметом нашего анализа, и по этим вопросам будут представлены соответствующие предложения.

По поводу журнала «Наше наследие» — поскольку мыслился содоклад В.П. Нерознака, я посчитал возможным проанализировать только лишь состояние финансов Фонда. Это чистые цифры, которые дают представление о том, что наш Фонд, по оценкам журнала, не несет никаких убытков по изданию. Что же касается судьбы самого журнала, то это должен изложить Владимир Петрович <Нерознак>, т.к. он постоянно ведет переговоры относительно судьбы журнала, и причем переговоры и с иностранными нашими коллегами, и должен иметь представление о том, насколько журнал выживет в сегодняшних условиях.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Но на юридическом основании — журнал наш или не наш? Мы имеем право получать доходы за журнал?

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Конечно, журнал — наш, и мы получаем доходы, журнал отчисляет нам средства.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Согласуется ли с Фондом культуры план, что это за план издательского отдела?

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Теперь вот по издательскому отделу — вернее, информационно-издательскому Центру. Центр издал 3 книги — Толстого, о Достоевском и З. Гиппиус, затем они продолжают по плану. Как утверждает директор этого издательства — Козлов — этот план был сверстан и утвержден Фондом культуры, и он его реализовывал. Надо пригласить Козлова, который объяснил бы, как это делается. Они обособились, даже журнал «Наше наследие», который дал имя этому издательскому Центру, сегодня уже отмежевывается от Центра и считает, что Центр нарушил тип нравственных отношений с журналом «Наше наследие».

Д.С. ЛИХАЧЕВ: А что с теми 2,5 млн. рублей, которые мы им дали?

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Из 2,5 млн. рублей они вернули нам какую-то часть, очень незначительную, больше того, туда же была передана и бумага, причем значительная часть бумаги, полученной нашим Фондом. Я пытался найти эти

расчеты (Александр Васильевич обещал мне дать их) — сколько кому мы передали бумаги, но пока этих расчетов мы не получили.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Вот это основание, вот что надо было обязательно сделать!

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Я надеюсь, что мы это получим. Я просил дать мне расчеты — сколько бумаги было получено Фондом, сколько бумаги было передано издательскому Центру. Но скажу, что, по предварительным оценкам, то, что Центр издал, не могло поглотить того количества бумаги, которая была ему передана.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Вы не спрашивали, почему эти издания и издательский листок, на котором были перечислены эти вещи, не согласовывались со мной?

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Я имел противоположную информацию.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Мне был дан только лишь листок, но я издательский работник уже более полувека, я знаю, как это делается: нужно назвать не только то, что издается, но по какой рукописи, какому изданию, кто будет писать введение, кто будет писать вступительную статью или делать комментарий — вот что такое издательский <план>, а не листок, на котором на одной страничке перечислены сумбурно издаваемые вещи, т.к. у всякого издательского плана должна быть идея плана, как бывает идея парада и т.д. Этого ничего мне представлено не было.

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Дмитрий Сергеевич, я ведь не случайно обозначил, что издательская деятельность Фонда в целом — это существенная проблема, это узел, который надо распутать.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: В том-то и дело — это я Вам говорил, на этом строились и наши экономические соображения.

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Но у нас, кроме этого, есть еще газета и т.д. И вообще, издательская деятельность Фонда ограничивается не только журналом «Наше наследие» и Центром, есть еще какие-то параллели. В результате нашей работы выявился целый ряд узлов, которые надо распутать. Это прежде всего:

1. Издательская деятельность.
2. Музейно-выставочный вопрос, так как там есть несколько организаций, которые конкурируют между собой даже внутри Фонда.
3. Этот аспект связан с работой наших организаций — производственных, которых у нас 43, создаем еще и новые — вот на последнем президиуме создана одна организация.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Я не знаю, как это могут создаваться новые организации.

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Вот здесь присутствует директор этой новой организации.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Дело не в директоре, а в нас самих. У нас рабочее заседание, поэтому я просто спрашиваю. Дело в том (для сведения всех), что я — издательский работник, я работаю более 50 лет, более 30 лет возглавляю «Литературные памятники» и другие издания, был членом РИСО — Редакционно-издательского совета, работал и в типографии, я знаю, как это все делается. В данном случае со мной ничего не согласовывалось, и реального плана, лица, идеи издания нет. Мне ничего не предоставлялось, кроме списка на одном листе, — «джентльменский набор» — Ходасевич, Шаламов.

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Ну, это — вопросы нравственные.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Кстати, нравственные вопросы для нас очень велики, и я пользуюсь Вашим присутствием, чтобы обратить внимание на то, что в наш Фонд люди жертвуют и деньги, и произведения, и свое имущество, и мы не можем произвольно изменять наш характер, произвольно распоряжаться этими дарениями, например, что-то пускать на коммерческую деятельность, поскольку у нас есть обязательства перед этими дарителями. Когда мы организовывались, у нас не было этих обязательств, сейчас мы уже связаны обязательствами перед дарителями. Поэтому нравственный вопрос должен стоять в первую очередь.

В.П. НЕРОЗНАК: Извините за опоздание — сломалась машина. Дело в том, что издательство <ИИЦ> сейчас находится в состоянии «несостоятельности», сейчас от Козлова уходят сотрудники, в т.ч. и бухгалтеры, т.е. они раз-

валиваются на глазах, и он занят перепродажей бумаги, которая была выделена из лимитов отдела «Литература и язык», обращая их в наличность. Поэтому думаю, что нам необходимо принять самые жесткие меры, расторгнуть с ним договор и потребовать возврата тех 2,5 млн. рублей, которые были выделены на это издательство, иначе в ближайшее время, даже месяц, дело может обернуться грандиозным скандалом...

Здесь возникали идеи превратить Фонд просто в Московский фонд культуры... считаю, что это не состоятельная идея, так как при обсуждении проблемы превращения Советского фонда культуры в Российский международный фонд культуры этот вопрос обсуждался на самом высоком уровне (Дмитрий Сергеевич обсуждал это с президентом страны)...

Есть еще одна идея — идея уничтожения, что всё в Фонде плохо, всё разваливается, никто с Фондом не хочет иметь дела, — я решительно не согласен с этим. Когда вместе с Иветтой Николаевной Вороновой мы были в Вашингтоне, у нас состоялись встречи с В. Аксеновым, Т. Толстой, на открытии памятника К.И. Чуковскому — с В. Войновичем. И все они выразили желание сотрудничать с Фондом, т.е., в сущности, если мы сохраним ключевые идеи, которые были заложены при создании Фонда, — это сохранять, приумножать и осваивать культурное наследие, — то у нас всем хватит работы. И Российский международный фонд культуры, пока им руководит Дмитрий Сергеевич Лихачев, жизнеспособен и будет поддерживать это единое неделимое культурное пространство.

С.О. ШМИДТ: Пока Вы, Дмитрий Сергеевич, представляли Фонд за рубежом, у нас состоялось важное для нашей истории событие — фактически, может, не юридически, — презентация дома Марины Цветаевой¹.

Причем это было международной акцией (присутствовали прибалты, представители нашей интеллигенции очень высокого класса), был концерт, состоялось много бесед, в которых выявилось, что:

¹ Дом-музей Марины Цветаевой в Москве был восстановлен Российским фондом культуры, а в дальнейшем передан правительству Москвы.

Первое. Потраченные <Фондом> деньги, их реализация говорят о создании культурного Центра, в нижних этажах которого можно будет проводить соответствующие заседания.

Во-вторых, четко определились три возможные перспективы этого Центра: и по изучению культуры Серебряного века России, и по изучению культуры русского зарубежья, там будут фондироваться те многочисленные дары, которые мы сейчас получаем, а Фонд имеет едва ли не лучшее в стране собрание зарубежных изданий, которые нам подарены нашими зарубежными соотечественниками... Это является одним из последних наших дел (это происходило 25 дней тому назад).

В.П. НЕРОЗНАК: Дмитрий Сергеевич, я забыл сказать, что сейчас ведется большая работа по выставке «Дягилев и русский символизм», которую будет проводить <итальянский> фонд Чини и РМФК. Выставка будет иметь общеевропейское значение...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Почему Вы сказали «Дягилев и русский символизм»? Ведь Дягилев больше связан с «Миром искусства».

В.А. ДУДАКОВ¹: Дмитрий Сергеевич, название совершенно точное.

Называя выставку «Сергей Дягилев и русский символизм», мы посчитали правомочным объединить художников многих направлений, связанных с Дягилевым и его деятельностью, под общим, хотя и недостаточно устоявшимся в изобразительном искусстве термином «символизм». В контексте выставки он обозначает определенный хронологический период конца XIX — начала XX в...

П.В. ФЛОРЕНСКИЙ²: Я представляю комитет «Возвращение забытых имен» и Сергиевский комитет³...

¹ Искусствовед, коллекционер, в то время руководил выставочным отделом Фонда, занимался организацией художественных выставок русского искусства за рубежом.

² Внук религиозного философа и ученого о. Павла Флоренского, один из руководителей программы Фонда «Возвращение забытых имен».

³ Юбилейный Сергиевский комитет под председательством Д.С. Лихачева был создан Фондом в связи с 600-летием преставления прп. Сергия Радонежского.

Наш комитет и Фонд начали дело по возвращению имен городам, и нашими усилиями (по крайней мере, мы «шишки собирали») бывшему Загорску было возвращено его честное имя <Сергиев Посад>. Но нас в последнее время забеспокоила ситуация, когда нам раздали анкеты по поводу программ <Фонда>. Понимаете, я — эксперт Верховного Совета по Чернобылю. Как составляется экспертиза, я знаю. И вот когда стояли те вопросы — «когда Программа закончится?». Наша Программа не закончится никогда. «Какие доходы?» — Мы не будем давать доходы на Преподобном Сергии.

Нас забеспокоила эта ситуация... такой подход, который был сейчас декларирован научно — очень характерно, кстати, было подчеркнуто — *научно* обсчитать, сделать — это не научный подход. Мы сюда приходим не за этим, у нас есть места, где мы можем считать, мы работаем и считаем... Посмотрите, говорилось об издательстве Фонда культуры. Издательские доходы. По-видимому, это была какая-то операция — я так и не понял — что. По крайней мере, я вел верстку книги в этом издательстве, она должна была выйти в декабре — январе... Я звоню по всем телефонам, никого уже нет. Всё.

Второе. Меня перепугали разговоры о том, чтобы взять здание на баланс, а потом его сдавать в аренду. Это — известный способ существования бюрократических структур...

Мы — не коммерческая организация в принципе...

Почему мы ставим во главу угла эффективность? Это полезно, конечно, деньги нужны, но не это главное. Фонд культуры — единственный Фонд, по сути дела, просуществовавший не перепачканным денежными операциями. С нас хватит скандала с Детским фондом им. В.И. Ленина. За нами этого не числится, и давайте держаться в этом плане.

Более того, сделано громадное дело — приостановлены эти спекулянтские законы с нашей культурой. Так давайте в эту пробитую брешь бюрократии всем Фондом проходить и бороться за нашу культуру. Вот где мы можем и должны проявить себя!

И последнее, чтобы не кончать на минорной ноте. Вы знаете, когда я вошел и стал слушать доклад — что мне это

напомнило? Помните, в к/ф «Гараж» идут титры, и герой В. Гафта читает отчет об этом гаражном кооперативе?

Спасибо за внимание.

<...>

В.Я. ЛАЗАРЕВ¹: ...В Ясной Поляне (мемориальной зоне) идет вырубка леса — не прочистка, а вырубка. Даже в революцию в 17-м году этого не было. Ведь это чудовищный признак того, что сейчас происходит.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Под Петербургом тоже все вырубается — и Павловский и Гатчинские парки, на этих местах сажаются огороды, устраиваются дачные участки. <...>

Фонд культуры в последние месяцы сократил сферу своей деятельности, меня не информируют о работе Фонда, ходят разговоры о развале Фонда. Я хочу высказать свои мысли о предполагаемой новой структуре Фонда и начну с «верхнего» этажа. Кроме Владимира Петровича <Нерознака>, который работает на полставки и, как научный работник, не может здесь проводить все время, должен быть человек — вот как Георг Васильевич², который приходит к началу работы и до конца здесь находится, оперативно решая все вопросы. Я думаю, что приглашать со стороны человека, который не знает Фонда, каким бы он ни был хорошим, нам не следует. Я бы предложил О.И. Карпухина сделать таким <заместителем председателя>, только предупредив о том, что он должен быть более самостоятельным, более решительным человеком в своих требованиях, так как по натуре своей он, видимо, человек мягкий и, как мне кажется, недостаточно решительно проводит некоторые вещи. Простите, я сразу говорю о том, как Вам следует измениться. Теперь остальные отделы, без которых Фонд не может существовать.

Это — отдел канцелярии при директорате, там достаточно двух человек — Людмила Петровна³ и Светлана —

¹ Обозреватель журнала «Наше наследие», в Фонде руководил библиотечным советом.

² Г.В. Мясников покинул пост первого заместителя председателя Фонда 14 февраля 1992 г.

³ Л.П. Суворова — референт первого заместителя председателя Фонда.

этого вполне достаточно. Затем то, на что я хочу обратить внимание, чтобы Фонд приобрел лицо культуры, не просто дворцовое помещение, чтобы люди, входящие сюда, чувствовали, что они попадают в культурную обстановку. Поэтому, помимо тех заседаний, которые мы могли бы бесплатно предоставлять интеллигенции (не писателям и художникам, которые перессорились между собой), именно интеллигенции, тем, кто хочет поговорить, побеседовать, поделиться мнениями о последних философских разработках Запада, на что у нас сейчас очень большая потребность, так как мы знаем философию эмигрантскую (она уже старая), а последние новинки нам неизвестны. Это помогло бы нам в издательской деятельности и т.д.

Так вот, здесь еще должен разместиться музей, огромные роскошные дворцовые помещения — это неприлично для Фонда благотворительности в обстановке голода и крайней нужды нашего населения. Все <представительские> расходы, обеды после представлений — этого не должно быть. Я очень ценю деятельность «Новых имен», но ускромнить эту деятельность именно в этом плане в нынешней обстановке, которая будет все более напрягаться, необходимо, особенно если показывать по телевизору что-то из еды. Это просто невыносимо для голодных зрителей. Это вызывает ненависть.

Значит, здесь должен размещаться музей. Я говорил с В.А. Пушкаревым¹, он сказал, что залов здесь вполне достаточно для размещения большого числа экспозиций. После этого мы будем просить еще большего помещения. Это выгодно. Почему? Это будет выгодно потому, что это будет музей, к нам будут приходить и нам будут дарить. Пока у нас существуют только запасники, серьезные художники нам свои вещи дарить не будут. Но когда художник будет видеть, что его вещи повешены, одну-две вещи он нам подарит обязательно. Кроме этого, мы сможем с большей уверенностью требовать из музейных фондов различные вещи для экспонирования. А что касается того, что на этих ду-

¹ Бывший директор Русского музея, в Фонде занимался проектом создания Музея современного искусства. См. об этом подробнее ниже.

бовых стенах развешивать полотна нельзя, то Василий Алексеевич <Пушкарев> сказал, что можно пригласить дизайнера, который установит стенды, и на этих стендах будет помещено большое количество полотен. Это будет большим событием. Мы нуждаемся в больших событиях в нашем Фонде, чтобы, скажем, в июне месяце было открытие Музея современного искусства. Это очень важно. Потом будем добиваться большего помещения, так как все приходящее к нам городское начальство будет видеть, что мы живем в тесноте и что часть вещей, а их, действительно, уже очень много собрано, не размещаются на стендах. Здесь, помимо хранилища, которое я сейчас посмотрел с П.П. Введенским, нужно будет еще помещение для хранилища, отдел директора, музей необходим во главе с В.А. Пушкаревым.

Затем — библиотека, архив необходим — здесь В.В. Леонидов¹, по-моему, блестяще справляется с этим (но читальный зал на одного человека — это не читальный зал). У него в очень хорошем состоянии каталоги, все фиксировано, все в сохранности и т.д.

Нужно только добиться, чтобы те дарения, которые мы получаем, те покупки, которые мы совершаем (скажем, от А.В. Савина² из Парижа), чтобы они сразу заносились в каталоги, а если они нужны для работы журнала <«Наше наследие»>, то мы можем их выдавать, но выдавать уже <за>-фиксированными в нашей библиотеке. Такого положения, чтобы дарения и покупки от А.В. Савина и от других лиц просто проходили в журнал и не фиксировались, — этого не должно быть. Итак, необходимы библиотека и архив, тем более что посол Чехословакии обещал нам содействие в получении материалов из пражских архивов, где очень много материалов о русской замечательной эмиграции, о русских ученых.

Затем нам нужна бухгалтерия.

Нужен международный отдел, во главе которого должен стоять А.Е. Гладков, очень хорошо себя показавший и

¹ Заведующий архивом-библиотекой Фонда.

² Владелец фирмы «Русский библиофил» в Париже, содействовал Фонду в приобретении архива Марка Алданова и других коллекций русского зарубежья.

действительно хорошо работающий. Нужен комендантский отдел (это я говорю пока о внешней стороне): охрана и уборщицы. Охрана должна быть хорошо поставлена, так как здесь будет музей. Во главе этого отдела — А.В. Краснощеков.

Далее — отдел дарений, хранения и выставочный зал, который неизвестно по какой причине был сдан в аренду. Мы нуждаемся в этом выставочном зале, особенно в связи с организацией музея. Выставочный зал кому-то передан, и мы теперь этому «кому-то» должны платить деньги, если у нас есть выставки. А выставки у нас постоянно, так что выставочный зал должен быть нашим и никаким сдачам в аренду он не подлежит.

Затем должен быть директор-координатор. Я думаю — это Владимир Александрович Быков. Дело в том, что мы все-таки остаемся Российским фондом культуры — это наш долг перед дарителями. Директор нужен, чтобы выяснять, координировать и т.д.

Программа «Малые города» нам не нужна, она неэффективна. По отдельным городам, как, скажем, Мышкин — мы можем обойтись без специального отдела. Там <в Мышкине> хорошие люди, хорошо организуют, ремонтируют Успенский собор.

Кстати сказать, помимо программ, которые я сейчас перечислил, у нас могут быть отдельные объекты, о которых мы печемся — это дом Цветаевой, это Шахматово¹ — мы должны взять его под свое покровительство, помимо государственного покровительства Министерства. Это обязательно нужно, т.к. это позорное дело для нашей страны, что там происходит, если мы не можем снять заведомого пьяницу, который там уже устраивал пожары. Могут быть еще несколько объектов, которым мы должны помогать.

Мы очень успешно помогаем Валааму².

¹ Музей-заповедник А.А. Блока в Подмосковье.

² По просьбе Святейшего Патриарха Алексия II в сентябре 1990 г. президиум Фонда при поддержке Д.С. Лихачева выделил значительную сумму (в то время равную 4 млн. долларов) на реставрацию Валаамского монастыря, переданного Русской Православной Церкви. См. публикацию об этом в сборнике «Памяти Д.С. Лихачева» (журнал «Русское возрождение». 2000. № 77/78. С. 322—329).

По всем суммам, которые мы давали Валааму, мы получаем отчеты с расписками, не общие отчеты, которые делает большинство. И дело идет там очень хорошо — я могу это подтвердить, и В.Г. Терентьев¹ великолепно справляется с этой работой.

Мы можем поддерживать восстановление отдельных церквей, можем вмешиваться, как организация, в вопросы передачи отдельной церкви священных предметов, но при этом мы должны консультироваться со специалистами. Конечно, у нас отношение к иконам несколько иное, чем в Католической Церкви, поэтому мы не можем выставлять мощи святых в открытом виде в музее, как это сделали, скажем, в Мюнхене — там есть такой реликварий, где выставлены кости и черепа, и они показываются. Это против традиций Русской Православной Церкви. Противоречит этим традициям и то, что почитаемые иконы просто висят как предметы искусства. Научный совет, который должен быть у нас, сможет решать, как организовать Храм на музейном режиме, потому что Храм — это показывает передача знаменитой иконы Богоматери в Софийский собор в Новгороде, где икона уже портится, — в Храме режим неподходящий, там все время меняется температура — на иконе Богоматери уже появились новые трещины. Поэтому найти форму, при которой икона будет и предметом почитания, и предметом музейного сохранения, музейного режима, — это необходимо, т.к. в провинции все меньше остается икон.

В Испании, где я недавно был, мне говорили, что международный рынок снова завален иконами, произведениями искусства из наших запасников, потому что тайно из запасников продаются и предметы искусства, и иконы, и редчайшие книжные издания, которые списываются под видом пожаров, то ли считаются дуплетами. Но книжные дуплеты в условиях XVIII в., когда книга правилась на печатном станке, — это очень важная вещь. И, кроме того, эти книжные дуплеты должны быть введены в ка-

¹ Помощник наместника Валаамского монастыря.

талогии, и по ним затребованы вещи нашего государства, а потом уже идти на продажу, хотя все-таки эта продажа невозможна.

Позавчера Б.Н. Ельцин зачитал текст, который я его просил прочесть, — о неотчуждаемости предметов культуры, в том числе — библиотечных, архивных и музейных — без специального решения научной комиссии, так как если мы будем это делать на паритетных основаниях, прежде всего пострадают республики, так как главным источником пополнения музеев в Белоруссии и на Украине, например, были русские запасники. А что такое запасники — я опубликовал статью полтора года тому назад.

Теперь программы Фонда. Что нам нужно оставить? Это прежде всего — Пушкинская программа.

Ко мне вчера в Литературном институте обратились с вопросом: готовы ли мы к юбилею Пушкина?

— Не готовы, — ответил я.

Это должна быть совместная работа Пушкинской комиссии Академии наук, которую я, к несчастью, возглавляю, и Фонда культуры. Мы даже не проектируем одностомника Пушкина, т.к. Пушкина нет в программе <изданий>.

Пушкинская программа хорошо осуществляется И.Ю. Юрьевой¹.

— Краеведческая — это очень важная программа. Кстати, она может быть доходной, потому что издательства по краеведению — настоящие издательства — не Козловское — они приносят доход. И я скажу, что в Ярославле библиографические издания местных краеведов продаются в газетных киосках как «Анжелика»: не порнография, не политические выступления, которые уже надоели, а настоящие краеведческие книги, которые интересуют не только местную интеллигенцию, но и рабочих. Эта программа может быть нескольких уровней. Хорошую помощь Сигурду Оттовичу <Шмидту> оказывает В.Е. Туманов².

¹ Старший эксперт отдела программ Фонда, ответственный секретарь ассамблеи Пушкинского общества.

² Первый заместитель председателя Союза краеведов России.

Программы «Новые имена» и «Возвращение забытых имен» — очень важные и перспективные программы.

«Малые народы»¹ — это очень важная программа, особенно в нынешней обстановке нарастающего национализма, т.к. приходится защищать малые народы от малых же народов, потому что, когда малые народы получают власть, они начинают империалистически уничтожать все другие малые народы на своей территории, т.е. то, чего не было в Российской империи, она сохранила 300 народностей, сейчас этих народностей около 200.

«Усадьбы и особняки»; «Классика»; «Топонимика»; программа «Родной язык». Идет обеднение языка, причем такое обеднение, при котором уничтожается ответственность за эти мысли. Это экспансия предлога «о». Не идея исполнения чего-то или восстановления чего-то, а идея об использовании, это факт мышления, человек боится назвать свою идею, свое намерение, он высказывает намерение «о» и т.д. Я специально записываю эти выражения. Идет обеднение языка и снижение чувства ответственности за сказанное, благодаря, с одной стороны, иностранным словам с неправильным ударением, т.е. с неправильным пониманием, например, абсолютно неправильное понимание слова «эпицентр», «эпицентр землетрясения» — это правильно, а у нас слово «эпицентр» используется в абсолютно ненормальных условиях. Так что здесь должна быть и служба языка. Мы должны организовать службу языка просто по телефону (не все умеют правильно говорить); чтобы подготовиться к выступлению, человек должен справиться, как правильно поставить ударение или как правильно склонять числительные. Это нужно.

Итак, «Родной язык» — А.И. Ведерникова², «Топонимика» — А.И. Ведерникова, «Усадьбы и особняки» — все это очень важно.

¹ Экспертом Фонда по этой программе был В.И. Тютюнник, руководил Научно-общественным советом Э.Р. Тенишев.

² Главный эксперт отдела программ Фонда. Также занималась упомянутой выше программой «Возвращение забытых имен» и юбилейным Сергиевским комитетом.

По каждой из этих программ нам нужно будет поговорить и выделить самое главное.

Вот приблизительно те программы, которые необходимо сохранить, я считаю. Может быть, вы меня поправите.

«Шелковый путь» нужен, поскольку он не приносит нам никаких особых расходов. С этим я согласен. Это международная программа, объединяющая нас <Российский фонд культуры и фонды культуры новых независимых государств Средней Азии>.

И в заключение я должен сказать следующее: мы сохранимся как страна, как страна культурная, а не будем нависать над Европой, как Африка, если мы сохраним нашу культуру, если мы сохраним единство нашей культуры и, в первую очередь, если сохранится русская культура. Я говорю это не из представления о том, что русская культура выше остальных культур, но факт тот, что учебники высшей школы, сложные темы в книгах и т.д. — все они имеют русскую терминологию, все они написаны по-русски. Все жители нашей бывшей территории, если они не будут владеть русским языком, если они будут воевать с русским преподаванием (на русском языке), они потеряют очень много. Это забота и о всех республиках, которые от нас отошли. Иначе они будут полупровинциальными культурами. Я приведу только один пример, который я позавчера приводил на общем заседании отделения <литературы и языка Академии наук>.

Что получается? Если мы будем разделять (правда, сейчас Б.Н. Ельцин исправил это положение и прочел целый абзац, посвященный исправлениям положения, которое им было подписано — этого невероятного соглашения о разделении имущества по государственному происхождению, по государствам, которые 70 лет жили вместе), то неизвестно, что получится. Итак, я приведу только один пример. Я не буду говорить о том, что Белоруссия лишится всех своих культурных богатств, потому что мы их затребуем — они из наших фондов. Лишится своих богатств Украина, так как мы затребуем Музей русского искусства, поскольку там он со-

здан на основе фондов Третьяковской галереи, Русского музея и других музеев и фондов Министерства культуры (и там есть первоклассные вещи), и они не будут знать русского искусства. Мы затребуем Музей западного искусства из Армении, так как он создан Орбели из фондов Эрмитажа. Сами мы лишимся Эрмитажа как культурного явления, не отдельных произведений — Эрмитаж перестанет быть тем, чем он является сейчас. Произойдет мешанина, перемещение произведений искусства, которое приведет к тому, что пропадут вещи, пропадут и буквально, потому что кражи совершаются тогда, когда перемещаются музейные собрания, а также потому, что мы не будем знать, где какая вещь находится. Следовательно, изучение и старые исследования по вопросам искусства пропадут, поэтому все эти перемещения должны быть запрещены. И Борис Николаевич прочел этот абзац о том, что только с его утверждения, на основании выводов специалистов могут быть переданы те или иные вещи к нам или от нас.

Но пример, который я хотел привести, заключается в том, что несколько лет назад я хотел организовать Музей Т.Г. Шевченко в Петербурге, тогда — в Ленинграде, поскольку большую часть своей жизни он провел в Петербурге. И оказалось, что все произведения Шевченко, написанные им в Петербурге, переданы уже давно Украине, не осталось ни одной вещи, в том числе скульптурных изображений Шевченко, которые были созданы современными скульпторами, — и они переданы. Ни одной вещи для музея, для комнаты его в ателье в Академии художеств не может быть собрано. И Шевченко таким образом превращается из поэта мирового масштаба в поэта провинциального, поскольку все будет сосредоточено только на Украине. Ну и что же? Можем поздравить украинцев с тем, что они потеряют Шевченко как мирового поэта, хотя приобретут все его вещи. Это позиция некультурных людей. Точно так же и мы не должны, я это неоднократно показывал и доказывал, требовать возвращения всех <произведений> русских художников в Россию. Надо заботиться только о том, чтобы за рубежом были созданы отделы русского искусства. И, кстати сказать, я очень хочу возбудить вопрос

о том, чтобы Национальная галерея в Вашингтоне, где указывается происхождение той или иной картины «Из собрания Меллона»¹, допустим, подписали «Эрмитаж», поскольку в собрании Меллона этого не было, не было выставки, не было музея, это не повлияло на американское искусство, а в русском искусстве эти вещи отразились во многих произведениях наших художников, на них учились. Эрмитаж был школой русских художников так, как малые голландцы — для передвижников, а «Портрет папы Иннокентия» — для Репина, Репин на нем учился и сам в этом признавался (на незавершенном портрете Иннокентия). Это приблизительно то, что я хотел сказать.

Теперь — что касается источников средств существования. Прежде всего, я должен сказать, что мы — Фонд культуры и не должны прибегать к заработкам на произведениях культуры, которые нас позорят (или безвкусных, или порнографических, или детективных и т.д.). Наша издательская программа, которую я мыслил как коммерческую (а это возможно), должна строиться на определенном плане, не плане перечисления такого «джентльменского» набора, которым пользуются все издательства, а на том, что мы хотим сделать в нашем плане главным. Что? Краеведение, например. Это очень важный вопрос, и это может быть доходным делом, или еще какое-то направление в культуре, которое может нам давать доход. Сейчас уже люди устали от той литературы, которая издается и продается на каждом углу и в метро. Устали от этого. Им этого не нужно, они не покупают этого, это всё момент. Значит, нам нужно привлечь к издательскому делу людей, которые знают спрос, знают книгу по-настоящему, знают неизданные рукописи. Нам надо восстанавливать нашу культуру из наших архивов и даже из архивов КГБ, где хранятся многие изъятые рукописи наших замечательных людей, которые подверглись аресту.

¹Эндрю Меллон — посол США в СССР, в 1930—1931 гг. скупил за бесценок шедевры живописи Эрмитажа, пущенные в продажу советским правительством (в настоящее время в составе его коллекции — в Национальной галерее в Вашингтоне).

Там при обысках были отобраны рукописи. В частности, я нашел свою студенческую работу 1927 г.¹ недавно в архиве КГБ, делал доклад по ней в Институте русской литературы, который собрал очень много людей, т.к. хотели увидеть меня не только 86-летним, но и в 20-летнем возрасте, в котором я писал эту работу.

Так вот, нам нужно к нашей коммерческой деятельности привлечь выдающихся наших промышленников, и если не всех, кого я перечислил, то, может быть, часть из них согласится принять в нас участие. Ведь мы — не специалисты в коммерческой деятельности, вы извините меня, но это так. Нам нужны сейчас работающие коммерсанты, которые могли бы нам помочь, посоветовать. Но почему нам не привлечь сейчас Святослава Федорова с Владиславлевым, почему нам не привлечь в состав нашего Фонда Руцкого — нашего вице-президента?

РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА: Он очень занят, у него свой фонд.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Тем более он сможет помочь. Мы не будем <его> заставлять сидеть в Фонде, мы предложим ему помочь нам. Далее — Марка Захарова, который охотно идет на такие дела. Наконец, необходимо установить контакт с С.Б. Станкевичем. Ведь он курирует культуру Москвы. Тем более что он сможет нам не только посоветовать, но и помочь во многих вопросах. И наше взаимоотношение с Министерством культуры не должно быть отношением подчинения или совместных программ и т.д. Мы должны размежеваться: что мы берем на себя и что оставляем Министерству культуры. Также мы должны разграничить свои функции с Обществом охраны памятников. Я думаю, что Станкевича нужно ввести в президиум, хоть он и курирует уже культуру Москвы.

¹ Д.С. Лихачев в 1992 г. был официально реабилитирован и признан жертвой незаконных политических репрессий. По существующим правилам при этом он был ознакомлен с материалами своего дела 1920-х гг. в архиве КГБ. Оттуда он получил копию своего доклада о старой орфографии, изъятого при аресте в 1928 г. Полную публикацию текста доклада см. в сборнике «Памяти Д.С. Лихачева» (журнал «Русское возрождение». 2000. № 77/78. С. 26—38).

Кроме Никиты Михалкова, нам нужно привлечь Элема Климова. У нас в Фонде должны быть имена.

В Оксфорде устраиваются выставки 1000-летия России, и мы могли бы устраивать очень много интересных выставок, когда будем обладать достаточным авторитетом, которым когда-то обладали.

Затем совершенно ясно, что нам нужно заново организовывать издательскую деятельность, а затраченные нами средства на Козлова и его предприятие затребовать через юриста — и это нужно делать немедленно, и через юриста установить разграничение с «Нашим наследием». Журнал «Наше наследие» не обращался ко мне ни одним телефонным звонком в течение полугода. Уже это показывает, что журнал считает себя отдельным, и я не могу его считать нашим журналом. Поэтому я установил контакт с очень важным журналом, русским журналом по российской тематике. Это — журнал «Русская литература», который будет печатать все наши официальные материалы — списки дарителей и т.д., т.е. то, что печатал журнал «Наше наследие».

Журнал «Наше наследие» забыл, сколько труда я потратил на его создание, на то, чтобы вырвать Енишерлова из «Огонька» (полгода), а теперь он меня не признает, и я считаю это актом величайшей неблагодарности. Простите, я давно это хотел сказать, но не решался, теперь я об этом сообщаю. То, что я не могу сказать это Енишерлову в глаза, — это его вина. Во всяком случае, у меня есть номер телефона в гостинице, он мог меня предупредить <что не будет на этом заседании>. Это систематическое отсутствие Енишерлова, систематическое отсутствие информации о журнале, о его проектах, которые все-таки должны согласовываться со мной, говорит о том, что этот журнал не наш. И мы должны потребовать, чтобы наша марка на этом журнале не стояла. Но не только это. Мы не должны ни в коем случае оплачивать расходы Енишерлова, которые он должен возмещать себе сам. Если он желает быть отдельно, пусть он отдельно и существует.

Журнал «Русская литература» — не единственный журнал, который будет у нас издаваться, параллельно будет субсидироваться журнал «Русская речь», это очень важный журнал

при нынешних обстоятельствах. Вот два этих российских журнала. Вот приблизительно то, что я за эти дни наметил, хотя имел другие заботы по сохранению нашей культуры. Вот моя программа, предлагаю ею уже руководствоваться, пользоваться.

Теперь я хочу поблагодарить председателей наших комиссий за проделанную работу, т.к. нам нужно уже спокойно начинать работать по этой программе, не особенно разрушающей существующую структуру, а констатирующей некоторые вещи.

Спасибо!

В.С. ЧЕРВИЧЕНКО¹: Дмитрий Сергеевич, ничего не прозвучало о музейном отделе и отделе выставок. Нас работает всего три человека уже 4,5 года, мы организовали более 100 выставок за рубежом и здесь, мы работаем с коллекционерами. А Вы ничего не сказали, где мы будем, как мы будем работать?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Говоря о выставочном зале, я, очевидно, пропустил о выставочном отделе, который, конечно, обязательно должен быть, я передам это Владимиру Петровичу <Нерознаку>.

В.В. ЛЕПЕШИНСКИЙ²: Дмитрий Сергеевич, при перечислении основных программ в Вашем выступлении ничего не прозвучало об уникальных исторических территориях.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Вопрос об уникальных исторических территориях — очень важный вопрос, но он должен решаться Обществом охраны памятников архитектуры в целом. Мы можем этому помогать. Мы должны выходить за пределы программ в помощи восстановлению отдельных церквей, например, но брать на себя такую важную и очень расходную статью, как уникальные территории, мы не можем. Но в наших изданиях, на нашем научном Совете эти вопросы должны подниматься.

В.В. ЛЕПЕШИНСКИЙ: Т.е. Вы рекомендуете изъять эту тему?

¹Сотрудница-эксперт выставочного отдела Фонда.

²Заведующий отделом программ Фонда.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет, я не предлагаю ее изъять, в организационном плане изъять, т.к. в организационном плане мы за это отвечаем. Если есть какая-то организация, занимающаяся каким-то вопросом, то нам будут «отфутболивать» все вопросы по этой теме, а их очень много, и нам это не по средствам. Мы должны волноваться по этому поводу, проявлять инициативу, но не должны брать на себя этот груз ответственности. Мы — маленькая пока организация.

В.В. ЛЕПЕШИНСКИЙ: Дмитрий Сергеевич, а как Чернобыльская программа, как «Декабристы»?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Чернобыльская программа, я с самого начала об этом говорил, — это программа чрезвычайно важная, это программа наших центральных областей и зараженного Севера и т.д. «Декабристы» будут входить в наши программы.

В.Я. ЛАЗАРЕВ: А вот Совет содействия библиотечному делу? Музейный совет?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Должен быть, простите, я это пропустил. Музейный совет, кстати, не очень активно проявил себя в этих возмутительных актах (последнем и предпоследнем) о разделе музейных ценностей и о возможности передачи нерентабельных музеев на распродажу и приватизацию через аукционы.

Т.И. АНДРОНОВА¹: Дмитрий Сергеевич, я же Вам лично звонила, я же Вам сказала об этом акте, о законе. Вы мне продиктовали Ваше мнение, я его оформила в телеграмму, участвовала в заседании в Третьяковской галерее, прочитала Вашу телеграмму, ее напечатали газеты. И это сыграло большую роль. Так я не поняла — остаемся мы или нет — Музейный совет?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Прошу у Вас прощения, Вы остаетесь, Тамара Ивановна.

В.Я. ЛАЗАРЕВ: Дмитрий Сергеевич, у меня два слова. Редакторат <журнала «Наше наследие»> и Енишерлов просили передать, что у нас у всех ощущение, что мы журнал Фонда культуры. Просто сейчас идет период поиска.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Но у меня нет этого ощущения, т.к. поиски должны вестись вместе со мной. Передайте это Енишерлову.

¹ Ответственный секретарь Музейного совета Фонда.

Ю.С. КИРЬЯКОВ¹: Дмитрий Сергеевич, все-таки непонятна роль членов президиума. Надо понимать, что президиум все-таки состоялся?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет, не состоялся. Это — рабочее заседание, обмен мнениями.

Ю.С. КИРЬЯКОВ: Я присутствую, наверно, уже на четвертом президиуме, либо несостоявшемся, либо неподготовленном, после конференции.

Идя на эту конференцию в ноябре месяце, мы сделали очень большую работу. Я думаю, и аппарат Фонда, и те, кто вошел в состав нового Совета президиума, сейчас не понимаем своей роли. Три неподготовленных заседания президиума были посвящены принятию структур, сегодня мы, не обсуждая, завершаем работу двух комиссий и принимаем Вашу программную декларацию, опять же не обсуждая и не обмениваясь мнениями как члены президиума. Дмитрий Сергеевич, при всем искреннем уважении к Вам, в Вашей декларации есть вопросы, которые требуют обсуждения. Даже маленький вопрос — отдать то, что принадлежит по заслугам Фонду, т.е. его журнал, — просто так, я считаю, решить невозможно.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да, невозможно. Поэтому я и сказал, что нужно обратиться к юристу, надо выяснить, чья это собственность. Вы считаете, что это — собственность Фонда, другие так не считают, и надо поэтому разобраться с юристом.

Ю.С. КИРЬЯКОВ: Это — частный вопрос. Я хочу использовать эту редкую возможность встречи с Вами для того, чтобы обменяться мнениями с членами президиума по важнейшим вопросам, они сегодня декларированы, в том числе и кадровые вопросы, — и завтра они должны быть выполнены.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет, это только для размышлений.

В.П. НЕРОЗНАК: Здесь ситуация очень ясная. В обстановке высшей открытости и гласности мы провели не только узкое, закрытое заседание президиума, мы привлекли всех, кто в этом заинтересован, это — наши активные интеллек-

¹Член президиума Фонда в 1991—1993 гг., председатель Екатеринбургского областного фонда культуры.

туальные силы, члены Совета, руководители разных направлений, поэтому я хочу сказать, что мы использовали присутствие Дмитрия Сергеевича, чтобы обсудить нашу генеральную линию...¹

Стенограмма заседания президиума Совета РМФК 10 июня 1992 г.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Ну, прежде всего я хотел бы начать с вопроса приятного — Д.В. Сарабьянов, которого вчера выбрали в Академию наук единогласно (он уже академик), и Б.В. Раушенбах предложили нам проявить инициативу в таком вопросе: как вы знаете, сейчас премии Ленинские и прочие отменены, то они предлагают, чтобы эти премии были возобновлены на общественной основе, т.е. чтобы Фонд наш и некоторые другие фонды стали учредителями таких общественных международных крупных премий. Они берутся добыть деньги. От нас эти деньги не требуются; будет создана организация, ими возглавляемая — Раушенбахом и др. Это люди серьезные. От нас требуется только согласие, что мы войдем в комиссию по определению премий, которые (они надеются) будут приравнены к Нобелевским премиям. Может быть, они <и> не будут равными впоследствии Нобелевским премиям, но, во всяком случае, наличие в России таких премий (международных), которые будут даваться не только гражданам Российского государства, мне кажется очень важным и очень престижным для нас. Нам нужно сейчас позаботиться о престиже нашего Фонда, и это — один из способов поднять падающий его престиж.

Ну как? Вы согласны с этим или нет? Я только вчера получил это предложение, поэтому я ни с кем не делился этим — и Владимир Петрович <Нерознак> не знает об этом, и никто из присутствующих. Кто хотел бы по этому поводу высказаться?

¹ Архив РФК. Т. 12. Д. № 72.